

Роман-музей, роман-саркофаг, роман-метро: концептуальное определение жанра

Поразительно то, что смысл авторского определения жанра не всегда нами осознается до конца и сразу. Проходит определенное время – и вдруг открывается суть.

Роман-музей

Так было, когда я прочитала роман Андрея Битова «Пушкинский дом». Авторское обозначение жанра тут же и было указано: роман-музей. Конечно, ничего удивительного, ведь именно музей в этом романе и представлен. Музей русской литературы, русской культуры. Но после прочтения романа Патрика Зюскинда «Парфюмер» (культовый роман важен для нашего разговора: он ярче обозначает то или иное явление) меня осенило: вот где разгадка всего постмодернизма! Подсказка дана у А. Битова: роман-музей, литература, как музей. В таком случае герои становятся просто экспонатами, а кто же автор? Я думаю, что когда писатель равнодушен к своим героям, то он становится директором музея, а если писатель – экскурсовод, то он склонен к яркому выражению эмоций. Вот почему читатель нередко недолюбливает постмодернистскую литературу: не все могут долго находиться в музее, там возникает ощущение неподвижности, застоя, нет живого духа. Это литература на любителя. Вот и ходит по земле парфюмер П. Зюскинда, делает, что хочет, и сам черт ему не брат. А если он экспонат, то к нему какие могут быть претензии?

Роман-саркофаг

Так можно определить жанр романа В. Набокова «Лолита». Третья глава этого произведения является своего рода переложением известного стихотворения Эдгара По (мы пользуемся переводом К. Бальмонта). Бесконечные повторы в стихотворении Э. По создают форму *заклинания, заговора*. Автор тем самым выражает мысль о том, что любовь действует как гипноз. Аннабель Ли, сначала живая и очаровательная, а потом и мертвая, приковала к себе героя, обворожила его.

Это было давно, это было давно
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Аннабель-Ли, –
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли [1, с. 360]...

Форма заклинания строится на повторах. Одиннадцать раз используется слово «любовь» и производные от него. 59 раз повторяется сонорный согласный звук «л». Он придает стихотворению мягкость и музыкальность. Все определения, которые дает своей возлюбленной лирический герой Э. По – Бальмонта: нежная, обольстительная, пленительная, незабвенная – звучат на протяжении всего романа В. Набокова. Автор, не изменяя ни имени героини, ни сути самого образа любви-гипноза, излагает нам ту же самую историю. Снова перед нами обворожительное существо по имени Анабелла, во втором абзаце третьей главы указывается, что родители ее носили фамилию Ли. И далее следует та же мелодраматическая история о рано умершей девочке и о страдании мальчика по утраченной любви. Итак, сначала любовь-гипноз, а затем наваждение и одержимость этим чувством, которое не только не утрачивается, но, напротив, усиливается. Поэтому поиски Лолиты были неизбежны, и все случившееся далее есть процесс и результат этого наваждения, переходящего в безумие.

Герой Э. По – Бальмонта воображает себя в конце стихотворения распростертым рядом с возлюбленной в саркофаге:

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель-Ли;
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И в мерцанье ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной – с невестой – с любовью моей, –
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

Герой Набокова, с моей точки зрения, тоже загнал себя в саркофаг, который состоит из трех слогов: Ло-ли-та. «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Ло-ли-та... Она была Ло, просто Ло... Она была Лола в длинных штанах. Она была Долли в школе. Она была Долорес на пункте бланков» [2, с. 329]. Здесь мы снова сталкиваемся с повторением имен, включающих в себя тот же согласный «л». Он-то и завораживает.

Гумберт так и не смог выбраться из этого саркофага, не смог от него избавиться. Да и не хотел. Он смаковал свое состояние, культивировал

свою любовь. Вслед за героем и мы попадаем в это же замкнутое пространство, когда читаем роман «Лолита». Гумберту сладостно пребывать в этом саркофаге. А вот создать такой саркофаг из слов – это и было задачей автора, и он справился с ней мастерски.

Роман-метро

Так условно можно определить жанр романа современной московской писательницы Ольги Ильиничны Новиковой «Четыре пигмалиона», который был опубликован в 2005 году.

В целом стиль О. Новиковой можно определить как аналитический реализм. Ее героиня постоянно находится в состоянии раздумья или что-то вспоминает из своей прежней жизни, но и воспоминания у нее носят такой же рассудочный характер. Думается, что писательнице удалось представить нам тип современной женщины, восприятие которой отличается аналитизмом. Рассудочность, может быть, ей даже и мешает, но избавиться от нее ей уже теперь не удастся, так как это ее основа, это главное, что она имеет в жизни. Этот логоцентризм и обнаруживается, если мы определяем жанр этого произведения как роман-метро.

Откроем самое начало романа: «“Теперь я точно знаю, что такое любовь”, – вырвалось у Галы в метро. Подъезжали к “Домодедовской”» [3, с. 21]. В первой же фразе, произнесенной героиней, мы услышали это главное для нее слово: «знаю». Гала знает *все* или почти все. Ее сознание имеет такие же четкие очертания, что и схема метрополитена. Точнее, роман можно обозначить так: «роман-метро, кольцевая линия». То кольцо, в которое она себя заключила, состоит из четырех станций-воспоминаний и восприятий. Они называются так: «Чигорин», «Гомер», «Муж» и «Некий обобщенный тип мужчины-писателя». Надо отметить, что все четыре станции «кольцевой линии» так или иначе связаны с литературой, все герои – писатели, в том числе и сама героиня Гала. Все четыре героя ее романа (в прямом и переносном смысле этого слова) заставляют ее думать. На той же первой странице читаем:

Сама соображай – вот к чему приучило ее упорное, но не натужное, а естественное чигоринское молчание... Гала и шевелила мозгами, не тяготясь долгой – с двумя пересадками – обратной дорогой (в метро, разумеется). Муж посмеивался над ней:

«Ради покупки сапог или же еще чего-нибудь насущного и шагу из дома не сделает, а тут едет на самый край метрошной схемы и счастлива [3, с. 21].

Так в чем же заключается счастье Галы? По мысли автора, именно в том, чтобы постоянно думать.

Можно станции в этом романе-метро назвать по-другому, по названиям глав: «Первая любовь», «Первое прозрение», «Момент истины», «Гала и Мастер». От этого ровно ничего не изменится. Ведь метро останется. Вот так поневоле и подумаешь о москвичах с усмешкой: заключили себя в некое кольцо Москвы и зациклились на этом. Не забудем, что героиня в молодые годы приехала покорять Москву, и ей это удалось. Несмотря на ироничный тон этой статьи, хочу еще раз подчеркнуть, что не только этот роман Новиковой, но и другие ее произведения отличаются особым анализом, и, может быть, она едва ли не единственная писательница из современных авторов, которая досконально проанализировала главную черту современной женщины – ее рассудочность. С одной стороны, это положительная черта, она помогает сделать карьеру или устоять во время жизненных бурь. С другой стороны, эта же черта не позволяет ей быть эмоциональной, чувствительной, слабой. Вот и в романе Новиковой мы видим такую героиню, которая как бы по инерции еще думает, что она зависит от мужчины, но на самом деле она уже давным-давно человек самодостаточный и сильный, из всех жизненных передраг она выходит почти без потерь, а все эти сложности ей и нужны только исключительно для того, чтобы... написать сей роман на заданную тему. А где же черпать материал и переживания? Из собственной жизни. Ведь все под рукой, внутри кольцевой линии, а не за ее пределами. Потому-то в финале романа мы видим героиню, которая с таким пафосом и сладострастием берется за работу: «Она заходит в комнату сына, включает компьютер... и с радостью, которую у нее никто отнять не в силах, набирает первую фразу: “Теперь я знаю, что такое любовь...”» [3, с. 210] (см. начало романа). Все возвращается на круги своя. А как иначе? Это же метро, Кольцевая линия!

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что подобные жанровые определения – роман-музей, роман-саркофаг, роман-метро – помогают точнее обозначить авторскую концепцию и дают целостное, единое представление о произведении в целом.

1. Бальмонт К. Стихотворения. М., 1990.

2. Набоков В. Король, дама, валет. Подвиг. Лолита : романы. Минск, 1992.

3. Новикова О. Четыре Пигмалиона. М., 2005.